

УДК 94 (5); 94 (100) 05; 94 (510)03; 94 (517)  
DOI: 10.17223/19988613/66/18

Г.Г. Пиков

## ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ВОСТОЧНОАЗИАТСКИХ КОЧЕВНИКОВ В ТРУДАХ В.П. ВАСИЛЬЕВА (1818–1900)

Рассматриваются взгляды на развитие восточноазиатских кочевых обществ в целом и киданей в частности выдающегося российского востоковеда XIX в. В.П. Васильева. Его творчество заложило основы всего последующего развития историографии восточноазиатских кочевников. Автор считает, что многие его идеи остались невостребованными до сих пор или понимаются специфически.

**Ключевые слова:** В.П. Васильев; Восточная Азия; кочевники; исторический подход.

В условиях современного достаточно глубокого идеологического и методологического кризиса определенную помощь в изучении конкретных исторических проблем может оказать осмысление хода и специфики развития исторической науки. Необходимо, не только ради исторической справедливости, восстановить аутентичную летопись этого потока, но чтобы вновь, на новом этапе, увидеть до конца не реализованные или даже не понятые возможности исторического анализа.

В истории изучения восточноазиатской цивилизации среди большой плеяды востоковедов XIX в. особое и яркое место занимает китаевед и религиовед, один из основателей восточного факультета Петербургского университета академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) [1–3]. Его работы во многих отношениях стали основой современного китаеведения, и в то же время большое количество его идей и исторических наблюдений до сих пор не воспринято в полной и необходимой мере. Достаточно обратить внимание на то, что значительный объем его трудов до сегодняшнего дня не вышел за пределы архивов. Его научная деятельность известна лишь в общем виде, хотя к его исследованиям часто прибегали при решении тех или иных проблем [4–17].

Были переизданы его китайско-русский словарь, труд по религиям Китая, очерки по литературе Китая, произошло системное описание китайских книг В.П. Васильева, находящихся в Восточной библиотеке Санкт-Петербургского университета [18–20]. Это объясняется прежде всего тем, что его творчество крайне многообразно. Научные интересы В.П. Васильева включали китаеведение, монголоведение, маньчжуристику, буддологию, тибетологию, санскритологию, публицистику, переводы, преподавание. Между тем рассмотрение его конкретных исторических штудий позволяет увидеть, что в их основе лежит цельная и парадигмальная система, определенная комплексная программа исследования загадочной восточной цивилизации.

Если Н.Я. Бичурин «познакомил» Россию и Европу с Китаем, его историей и культурой, то В.П. Васильев и его школа создали реальную научную основу для их всестороннего изучения. По сути, он предложил про-

грамму всего последующего развития китаеведения. В ее основе лежит ряд принципов. В первую очередь это цивилизационный подход, который с этого времени становится явственным в трудах различных исследователей, прежде всего учеников самого В.П. Васильева, в частности М.Н. Суровцова. Особо следует отметить, что именно всестороннее изучение истории и культуры Китая и сопредельных территорий, акцент на культурологические проблемы и темы, рассмотрение истории Китая обязательно в контексте всей восточноазиатской истории свидетельствуют о том, что исследователь не сравнивает различные цивилизации между собой (прежде всего западную и восточноазиатскую и, разумеется, не в пользу Китая), а пытается увидеть на Востоке своеобразие и оригинальность. Это говорит не только о преодолении вульгарного понимания европоцентризма и цивилизационного подхода, но и о зарождении в отечественном китаеведении именно исторического подхода как научного, дистанцирующегося от идеологических схем.

Именно такая методология явственно видна в изучении выдающимся синологом истории северных «варваров», обитавших на территории современных Монголии и Маньчжурии.

Прежде всего в данном контексте необходимо упомянуть монографию В.П. Васильева «История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века» [21, 22], в которой он более подробно, чем Н.Я. Бичурин, рассматривает историю киданей и чжурчжэней. Она очень удачно дополняет работы Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа), особенно его выдающийся труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», в котором внимание сосредоточено главным образом на истории киданей во время Танской династии (618–907). Исследование В.П. Васильева прочно утверждает взгляд на киданьские государства как независимые. В предисловии к этому сочинению сам В.П. Васильев отмечает, что, поскольку Н.Я. Бичурин «...оставил без внимания историю киданей и сменивших их маньчжур-чжурчжэней», он решил восполнить этот пробел очерком главного содержания оригинальных источников по истории киданьского и чжурчжэньского государств

[21. С. 3]. В отношении ключевого народа киданей у Васильева около семи листов (1–14) посвящено их додинастической истории и 5 (15–24) непосредственно истории империи Ляо.

Нельзя сказать, что Иакинфа не интересовало это время именно как время зарождения будущей монгольской экспансии, однако практически все свое внимание он уделил завоевательной истории первых монгольских ханов. К тому же причины появления такой фигуры, как Чингисхан, он искал в самом монгольском обществе. В.П. Васильев же считал, что без изучения империй Ляо и Цзинь совершенно невозможно выявить причину появления монголов.

Стоит обязательно отметить, что впервые в таком объеме материал книги посвящен не собственно Китаю, а его северным соседям, «варварам». Обычно их история изучалась лишь в связи с историей Китая, который вынужден был либо отбивать их набеги, либо даже вести «национально-освободительную борьбу с захватчиками».

Вопрос взаимоотношений Китая и «северных варваров» уже почти два столетия является насущной научной проблемой и в настоящее время рассматривается диалектически и многоаспектно. В то время эта проблема еще только входила в научный оборот, и неудивительно, что она рассматривалась исключительно через призму истории Китая, тем более что основными источниками информации были сочинения именно китайских авторов.

Монография В.П. Васильева является значительным вкладом в изучение истории кочевых народов Центральной и Восточной Азии и важна, помимо этого, еще и в других аспектах. Поставлена практическая задача – выяснить предпосылки появления монголов. Здесь хорошо видно, что прежнее представление о решающей роли стремления кочевников к насилию и грабежам в организации крупномасштабных завоеваний, так или иначе присутствовавшее в работах исследователей, объясняло далеко не все. В.П. Васильев рассматривает так называемый «предмонгольский» период (выражение более позднего происхождения) в истории не только Маньчжурии и Монголии, но и самого Китая вплоть до XIII в. Основное внимание уделено именно внутренним факторам развития кочевых обществ – политическому устройству, дипломатии и быту сообществ киданей, чжурчжэней и монголов. Автор впервые так масштабно рассмотрел одну из ключевых интересующих его тем.

Историю империи Ляо он раскрывает, опираясь преимущественно на «Цидань го чжи» Е Лун-ли, а также на «Ляо ши» и «Ляо чжи». Труд В.П. Васильева прочно утверждает в отечественной историографии, как уже было сказано, взгляд на киданьскую империю как независимое государство. В свое время его учитель О.М. Ковалевский советовал ему: «Некоторые европейцы, бывшие в Китае, проникнутые любовью ко всему китайскому, сделавшись, так сказать, китайскими патриотами, были столь вредны для науки, сколько и те, которые вывезли оттуда записки, исполненные презрением к виденному ими народу. Одни и другие преувеличивали или уменьшали сведения, смотря по

предубеждению, в каком они взирали на предметы». В.П. Васильев фактически поддерживает точку зрения Н.Я. Бичурина о самостоятельном развитии киданьского государства, отмечая в то же время, что «влияние, произведенное китайцами на нравы и управление номадов, несомненно», хотя «самое имя Китая дано ему киданями». Кроме этого, он утверждал, что без киданей «мы не поймем даже причины появления Чингисхана и предводимых им монголов» [Там же].

Китай, с точки зрения тогдашних исследователей, в том числе и В.П. Васильева, представляет собой единственное цивилизующее начало. Согласно представлениям ученого об истории и культуре, именно управленческие институты и политические приоритеты Китая стали тем, с помощью чего «варвары» имели возможность преодолеть свою отсталость. Он при малейшей возможности приводит примеры благотворного китайского влияния. Основатель киданьского государства Елюй Апоки (Амбагянь в прочтении В.П. Васильева) привлек на свою службу Хань Яньхуэя, который способствовал основанию городов, учреждению управленческих институтов, развитию земледелия и торговли. Для Васильева он чистокровный китаец, хотя, скорее всего, был выходцем из фронтирной зоны на стыке киданьского и китайского государств и мог быть по происхождению «варваром», хотя и китаизированным. Сам Апоки провозгласил себя правителем нового государства и принял китайский титул «Тянь Хуань Ван» («Небесный государь»). Киданьские правители широко использовали китайскую практику привлечения на свою сторону правителей разного уровня из соседних владений, например тех же чжурчжэней [Там же. С. 43].

Постепенно, по мнению исследователя, жадность и тщеславие киданей росли, и в этом они становились очень похожи на китайских императоров, переняв полностью китайский взгляд на внешнюю политику. Они даже сам Китай захотели видеть в числе своих вассалов, тем более что однажды в их руки попала часть китайской территории.

Большинство неудач Китая в его отношениях с кочевниками, по мнению В.П. Васильева, связано со слабым развитием военного дела. Китайские генералы, пишет он, «смелы лишь на словах», а больше преуспели в дворцовых интригах. В этом плане он подчеркивает военные доблести «варваров» и говорит, что именно их военное искусство позволило им начать играть чуть ли не главную роль на международной арене того времени. Васильев, как и его предшественник, архимандрит П. Каменский, видел здесь определяющую роль только силы. Многое в этих рассуждениях шло от отношения русских к степнякам: кидани, чжурчжэни и монголы воспринимались на одно лицо.

Ученый одним из первых сделал предположение, разделяемое сейчас многими исследователями, о возможности родства киданей с монголами. Такой же точки зрения в последние годы придерживается большинство современных исследователей.

Гораздо больше сведений об истории киданей до создания империи и о государственном строе Ляо содержится в приложении к рассматриваемой работе

В.П. Васильева, где он вводит в научный оборот переводы отдельных глав из «Цидань го чжи». Он часто использует цитаты из него в своем рассказе. В целом освещаются преимущественно культурные аспекты. Большой заслугой В.П. Васильева является то, что в своей работе он уже опирается на только начавшие появляться исследования русских и западноевропейских синологов, причем не всегда разделяет их взгляды и зачастую демонстрирует свое собственное понимание процесса исторического развития центральноазиатских народов. Он рассматривает подробно только политическую историю киданей, а не социально-экономический строй их государства, и лишь в приложениях можно найти отрывки из источников, касающиеся этих аспектов, однако сам В. П. Васильев не анализирует их. Это понятно, ибо и политическая история киданей не была еще достаточно изучена. К тому же именно политические проблемы являлись тогда актуальными для России и российско-китайских отношений.

Гораздо хуже то, что переводы отрывков из источников содержали множество неточностей, а подчас и прямые ошибки. Как правило, он не приводит источник дословно. Сказанное, однако, не уменьшает значения труда В.П. Васильева: его переводы на протяжении почти столетия являлись единственными в европейской науке переводами такого важнейшего источника по истории киданей, как «Цидань го чжи».

Нельзя также обвинять автора в том, что он не дает оценку взглядам своих предшественников. В.П. Васильев вслед за Н.Я. Бичуриным создавал основы изучения центральноазиатских народов вообще и киданей в частности. Аналитическое востоковедение в этот период только начинает складываться. Европейцы еще редки в Восточной Азии, в основном это люди, далекие от интереса к истории (купцы, миссионеры, политики). Такие маститые информаторы, как Маттео Риччи или Франциск Ксавье, больше говорят о современности. История только начинает внедряться в политическую практику, развернутых идеологических схем еще нет. К началу XIX в. обобщены лишь те источники, которые попали в Европу в средневековый период. Авторы пока немного, появляются лишь первые переводы и компиляции.

Рождение нейтрального исторического подхода к истории восточноазиатских кочевников неизбежно сказывалось на особенностях как методологических позиций, так и технологий исследования. В.П. Васильев в значительной степени оказался своего рода заложником письменных источников, особенно такого выдающегося текста, как «История государства киданей» («Цидань го чжи»). Он не только, подобно автору Е Лунли, сделал акцент на политической истории и описании внутренних конфликтов, но и принял методологическую позицию китайского историка, воспринимая историю и культуру киданей через китайскую культуру, которую безмерно уважал. Он не увидел, что кидани, как, впрочем, и чжурчжэни и монголы, были представителями иной цивилизации. В его исследовании сохраняли прежнее значение такие термины, как «племена» и «отсталые». Достаточным осно-

ванием для этого он видел уже то, что они являлись скотоводами и кочевниками.

Тем не менее он поддерживал и развивал точку зрения, во многом идущую от Н.Я. Бичурина, понимания зоны «северных варваров» как самостоятельной не только в этническом, но и в культурном отношении. В этом плане он хорошо вписывался в тенденцию, формирующуюся в то время в практическом и научном востоковедении. Этот прорыв начал еще Н.Я. Бичурин, который стал уделять пристальное внимание истории кочевой зоны, предпочитал опираться на источники, современные средневековым кочевым обществам. Это были именно китайские, а не маньчжурские сочинения. Заинтересовала российских востоковедов и культура кочевников. Выделенный Бичуриным из текстов материал заложил предпосылки для признания кочевников не фоном китайской истории, а самостоятельным актором. Однако активное использование китайских источников простимулировало еще один акцент в изучении восточноазиатских обществ. Эти источники негативно повлияли на историографию кочевых сообществ, поскольку сосредоточивали свое внимание на политике и войнах с кочевниками. На тот период еще не было достаточного материала для воссоздания внутренней истории кочевых народов.

К тому же в XVIII–XIX вв. происходил закат аграрных экономик. Они переходят на второй план, уступая городу с его торговыми связями и развивающимся производством, соответственно, усиливаются столкновения и конфликты с оседлыми народами. Турбулентность, характерная для кризиса, в данном случае системного, универсального, общецивилизационного, переносится на всю историю кочевников. Одновременно в Европе усиливаются «освободительные» движения, растет интерес к «борьбе» развитых культур за «право» и «свободу» от «угнетателей», «эксплуататоров» и «варваров». Поистине национальными героями становятся предводители средневековых восстаний, борцы с «феодализмом». У славян воспевают гуситов, в России А.С. Пушкин пишет «Историю пугачевского бунта».

По сути, Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев и другие исследователи последующего времени, вплоть до сегодняшнего дня, воспринимали кочевую зону как своего рода «луну» Китая, ведомую и медленно, но неуклонно, впитывавшую великую китайскую культуру. Его ученик, студент Санкт-Петербургского университета, М.Н. Суровцов, в своей работе «О владычестве киданей в Средней Азии», получившей золотую медаль, мастерски проиллюстрировал и использовал взгляды и методы своего учителя.

В.П. Васильев во многом преодолел вульгарный европоцентризм, но фактически не отказался от оседлоцентризма и китаецентризма. Своеобразная квинт-эссенция китаецентризма, оседлоцентризма, русского многовекового традиционного подхода к истории кочевников и степняков и просветительских идей породила мощную попытку через базовые идеи оседлых цивилизаций прочитать историю кочевников. Просветительские идеи еще не получили широкого распространения в русской исторической науке, однако такие

понятия и представления, как «цивилизация», «прогресс», акцент на экономическом развитии, секулярности культуры и др., уже используются как базовые. В.П. Васильев и его последователи еще не приняли окончательно формационный подход, однако увидели серьезность дихотомии традиционного общества, в рамках которого оставались кочевники, и «современности», на которой зиждился современный им Китай. Как Китаю, так, тем более, и кочевникам еще не нужна идея республики. Именно религии (конфуцианство, буддизм) «облагораживают» «дикарей» и создают необходимую форму государства. Да и религиозная этика еще не утратила своего значения. Соединение русских, китайских и западных идей у М.Н. Суровцова выразится еще более ярко.

XIX век видит системность во всем. Н.Я. Данилевский выделяет «культурно-исторические» типы, О. Шпенглер говорит о «закате Европы». В общественную мысль глубоко внедряются понятия «цивилизация» и «формация». На всех без исключения кочевников распространяется представление о наличии у них не мироустроительной, а экспансионистской парадигмы. Возникает интерес к их общеэвразийским акциям – «завоеваниям» гуннов, монголов, тюрок, турок. С другой стороны, закладываются основы для формирования у потомков кочевников концепций панмонголизма и пантюркизма.

В.П. Васильев, естественно, работает в рамках складывающегося, в том числе и в самом Китае, представления о кочевниках не как о специфической экономике, а как о бедной ресурсами, тупиковой системе, в основе которой лежит стремление к агрессии. Он и смотрит на киданей как на тех, кто начал движение к всеобщей агрессии («подготовил»), которую продолжили монголы. Их внутренний строй и культура интересуют его именно как «механизм» формирования этой агрессии.

Таким образом, Н.Я. Бичурин увидел некую «само-сть» и «самодеятельность» кочевников в целом и киданей в частности, но он судил практически лишь на основе средневековых текстов, а В.П. Васильев шел от «буржуазной методологии». Она формируется уже в связи не с пресловутым российским шовинизмом, а с капитализмом, который на самом деле «опускает» низы общества за черту культуры. Это не только пролетарии и крестьяне, но и кочевники, которые из-за отношения к ним в большинстве евразийских стран могут быть приравнены к «низам». Они тоже участвуют, с точки зрения марксизма, в «классовой борьбе», тоже борются с «эксплуататорами», каковыми являются не «буржуи», а «помещики» и «степные феодалы», т.е. представители слоев, связанных с аграрным обществом.

Эта методология формировалась в период Просвещения на основе философии буржуазного общества, переосмысленной в России марксизмом. Просвещение делает акцент на истории. Пишутся крупные исторические труды, широко распространяется макроисторический подход, и историки описывают длинные исторические периоды, большие территории, историю народов. Происходит переход к истории «миров» как цивилизаций, а не просто отдельных территорий. Марксизм пытался понять Восток в целом и кочевни-

ков в частности через концепцию «азиатского способа производства», практики победившего капитализма, который начал выходить за пределы Европы (стадия «империализма»). Необходимо также отметить, что история кочевников во многом прочитывается через тщательно изученную на протяжении Средневековья историю оседлых евразийских государств, к тому же трактуемую через реалии народившегося буржуазного общества, иначе говоря, через его ценности и приоритеты, а также конфликты и противоречия. Окончательно формируется имидж «сонного» Китая, а кочевники воспринимаются как извечное зло и препятствие для прогрессивного развития человечества.

Складывается довольно парадоксальная ситуация. Российские востоковеды того времени, и прежде всего В.П. Васильев и его ученики, тщательно защищали Восток от экспансии Европы и европоцентризма, но не считали нужным от того же защищать кочевников. Они делали акцент на необходимости научного подхода к истории Востока, занимались фактически апологией Востока, но не распространяли это на кочевые объединения. Гунны для них не страницы истории, а иллюстрации к ним, демонстрация агрессивного «начала» кочевников. Исследователей вдохновляла антицинская, антиманьчжурская война китайцев. Нередко можно увидеть в их трудах мысли о периоде маньчжурской династии Цин как господстве голой и бескультурной агрессии. В.П. Васильев утверждал, что фактически Китай всегда боролся с агрессорами. Н.Я. Бичурин в том числе по этой причине не считал необходимым использовать в своих изысканиях маньчжурские тексты, предпочитая китайские сочинения.

Все это, несомненно, способствовало активизации «ввода в научный оборот» обширного фактического материала. Методы сбора материала совершенствовались российскими востоковедами от Н.Я. Бичурина до В.П. Васильева.

В это время окончательно определяется тематика исследований восточноазиатских кочевников: интересующие народы, базовые китайские источники, необходимые методологические ракурсы. В итоге начинает складываться система подготовки будущих исследователей, их профессионального и общеисторического образования. Если до сих пор в России история в целом и история кочевников в частности были досужим занятием, то во второй половине XIX столетия необходимость на более раннем этапе развития личности внедрять новую картину истории резко стимулировала интерес к истории кочевников. Четко обозначается в данный период школа именно В.П. Васильева.

В России этому способствовала и гуманитарная вестернизация (интерес к западной культуре и истории В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Т.Н. Грановского). Оригинальным было, однако, стремление не к описательной истории, а к ее реконструкции для понимания крупных и сложных проблем, характерных для окруженной созвездием цивилизаций России.

Деятельность и труды В.П. Васильева быстро становились достоянием отечественной культуры и использовались не только в научных целях. В России

нарастало «освободительное» движение «азиатских» народов («инородцев»). Все «восточные люди» стремились к объединению, были заложены основы идеи «тюрко-монгольского» мира, вечно обижаемого и «силой» прокладывающего себе путь в будущее. В.П. Васильев был достаточно далек от этого, но его материалы, и как сочинения других востоковедов, до сих пор активно используется в межнациональной «полемике».

Таким образом, деятельность В. П. Васильева является важным фактором становления современного восточноазиатского востоковедения. С учетом тех идеологем, которые характерны для того времени и европейского мышления, его творческое наследие может считаться программой развития и современного востоковедения.

Следует только сделать еще больший акцент на изучении накопленной историографии, чтобы понять пройденный кочевниковедением с тех пор путь. Необходимы также скрупулезный, беспристрастный и деидеологизированный анализ текстов, современных историй кочевых народов («источников»), активизация археологического изучения, синтез информации обо всех аграрных обществах для сравнительного их изучения. Эти четыре задачи суть четыре направления, ибо надо их решать одновременно. Главное – реконструкция кочевой цивилизации, оригинальность которой в том, что она – евразийское явление, в отличие от других цивилизаций, связанных с субзонами Евразии. Аналогом ее является исламский «мир».

## ЛИТЕРАТУРА

1. Козин С.А. Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В.П. Васильева, по данным Азиатского музея АН СССР // Известия АН СССР. VII сер. Отд. обществ. наук. Л., 1931. № 6. С. 759–774.
2. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. М. : Наука, 1956. Сб. 2. С. 234–340.
3. История и культура Китая : сб. памяти академика В.П. Васильева / отв. ред. Л. С. Васильев. М. : Наука, 1974. 480 с.
4. Симоновская Л.В. Академик В.П. Васильев и его эпоха // История и культура Китая : сб. памяти академика В.П. Васильева. М. : Наука, 1974. С. 20–27.
5. Хохлов А.Н. В.П. Васильев в Нижнем Новгороде и Казани // История и культура Китая : сб. памяти академика В.П. Васильева. М. : Наука, 1974. С. 28–70.
6. Хохлов А.Н. В.П. Васильев о Кяхте и кяхтинской торговле (из эпистолярного наследия русского востоковеда) // 13-я научная конференция «Общество и государство в Китае» (НКОГК). М. : Наука, 1982. Ч. 2. С. 224–240.
7. Хохлов А.Н. Внешняя политика цинского Китая в публикациях В.П. Васильева (к 175-летию со дня рождения) // 25-я НКОГК. М. : Наука, 1994. С. 276–283.
8. Гончаров С.Я. «Цзинь чжи» (Описание государства Цзинь) в переводе В.П. Васильева (к оценке источника и перевода) // 22-я НКОГК. М. : Наука, 1991. Ч. 3. С. 188–198.
9. Кожин П.М. «Шелковый путь» и кочевники (некоторые вопросы средневековой этногеографии Центральной Азии) // 22-я НКОГК. М. : Наука, 1991. Ч. 3. С. 31–43.
10. Никольская С.В. «Очерк истории китайской литературы» В.П. Васильева и роман У Чэнъюня «Путешествие на Запад» // 22-я НКОГК. М. : Наука, 1991. Ч. 3. С. 44–55.
11. Патрушева М.А. О трудах В.П. Васильева по истории Маньчжурии // 17-я НКОГК. М. : Наука, 1986. Ч. 2. С. 191–192.
12. Шастина Н.П. Монголоведение в трудах В.П. Васильева. // История и культура Китая : сб. памяти академика В.П. Васильева. М. : Наука, 1974. С. 86–103.
13. Самойлов Н.А. Публицистика академика В.П. Васильева и некоторые вопросы общественно-политического развития Китая второй половины XIX века // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л. : ЛГУ, 1988. Вып. 11. С. 172–190.
14. Смолин Г.Я. В.П. Васильев и преподавание истории Дальнего Востока в Петербургском университете во второй половине XIX в. // История и культура Китая : сб. памяти академика В.П. Васильева. М. : Наука, 1974. С. 71–85.
15. Мартынов А.С. Идеологическая полемика в начале эпохи Тан и ее место в истории религий Китая. [Работа В.П. Васильева «Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм»] // 22-я НКОГК. М. : Наука, 1991. Ч. 3. С. 44–55.
16. Торчинов Е.А. Труды В.П. Васильева и актуальные проблемы изучения даосизма // 22-я НКОГК. М. : Наука, 1991. Ч. 3. С. 22–31.
17. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М. : Наука, 1977. 505 с.
18. Васильев В.П. Графическая система китайских иероглифов : опыт первого китайско-русского словаря. СПб. : НП-Принт, 2010. 484 с. (Оригинал – 1867 г.).
19. Васильев В.П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873. 185 с.
20. Васильев В.П. Очерк истории китайской литературы : переизд. на русском и китайском языках / пер. на кит. Янь Годуна. СПб. : Ин-т Конфуция в СПбГУ, 2013. 334 с.
21. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб., 1857. 235 с.
22. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века // Труды восточного отделения Русского Археологического Общества. СПб., 1859. Т. 3, 4. С. 236–256.

Gennady G. Pikov, Novosibirsk State University (Novosibirsk (Russia)). E-mail: gennadij-pikov@yandex.ru

### FORMATION OF A HISTORICAL APPROACH TO THE STUDY OF EAST ASIAN NOMADS IN THE WORKS OF V.P. VASILIEV (1818–1900)

**Keywords:** V.P. Vasiliev, East Asia, nomads, historical approach.

The article sets the task to consider the views on the development of East Asian nomadic societies in general and Khitans in particular, of an outstanding Russian orientalist of the 19 century V.P. Vasiliev. His work laid the foundation for the entire subsequent development of the historiography of East Asian nomads. Nevertheless, many of his ideas have remained unclaimed so far or are understood specifically.

Sources for writing this study were published works of the researcher, mainly devoted to the history and culture of the peoples of East Asia.

V.P. Vasiliev actually proposed a program for the entire subsequent development of East Asian oriental studies.

It is based on a number of principles. First of all, the civilizational approach, which from that time becomes apparent in the works of various scholars, as well as a comprehensive study of the history and culture of China and neighboring territories, an emphasis on cultural problems and topics, a consideration of the history of China is mandatory in the context of all East Asian history. This speaks

not only of overcoming by him vulgar understanding of Eurocentrism and a civilizational approach, but also of the emergence in Russian Sinology of precisely a historical approach, as a scientific one, distancing itself from ideological schemes.

The monograph of V. P. Vasiliev is a significant contribution to the study of the history of the nomadic peoples of Central and East Asia. The practical task is to find out the prerequisites for the appearance of the Mongols. Vasiliev V. P. considers the so-called “pre-Mongol” period up to the 13 century. The main attention is paid to the internal factors of the development of nomadic societies – the political structure, diplomacy and life of the Khitan, Jurchen and Mongol communities. The author for the first time so extensively examined one of the key topics of interest to him.

China, from the point of view of Vasilyev V.P., represents the only civilizing principle in East Asia. He constantly gives examples of beneficial Chinese influence.

The scientist was one of the first to make an assumption about the possibility of kinship between Khitans and Mongols. He finds evidence of this in the text of a 12th century Chinese historical work. “Khitan Go Zhi” (History of the Khitan State). In the appendix to his work, “History and Antiquities of the Eastern Part of Central Asia from the 10th to the 13th Century,” he introduces the scientific translation of individual chapters from it.

Vasilyev V.P. overcame vulgar Eurocentrism, but did not abandon saddle-centrism and China-centrism. He worked within the framework of the idea of nomads as a specific and impasse system, which is based on the desire for aggression. He looks at the Khitans as those who began the movement towards general aggression. Their inner structure and culture interests him precisely as the “mechanism” of the formation of this aggression.

Thus, the activity of V.P. Vasiliev is an important factor in the formation of modern East Asian oriental studies. His creative heritage can be considered a program of development also modern oriental studies. It is only necessary to place an even greater emphasis on the study of accumulated historiography, and to carry out a rigorous and impartial analysis of the sources. The main thing is the reconstruction of the history of nomadic civilization in its entirety.

## REFERENCES

1. Kozin, S.A. (1931) Bibliograficheskiy obzor izdannykh i neizdannykh rabot akademika V.P. Vasil'eva, po dannym Aziatskogo muzeya AN SSSR [A bibliographic review of the published and unpublished works by Academician V.P. Vasiliev, according to the Asian Museum of the USSR Academy of Sciences]. *Izvestiya AN SSSR. VII ser. Otd. obshchestv. nauk*. 6. pp. 759–774.
2. Avdiev, V.I. & Shastina, N.P. (eds) *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya* [Essays on the History of Russian Oriental Studies]. Moscow: Nauka. pp. 234–340.
3. Vasiliev, L.S. (ed.) (1974) *Istoriya i kul'tura Kitaya* [History and Culture of China]. Moscow: Nauka.
4. Simonovskaya, L.V. (1974) Akademik V.P. Vasil'ev i ego epokha [Academician V.P. Vasiliev and his era]. In: Vasiliev, L.S. (ed.) (1974) *Istoriya i kul'tura Kitaya* [History and Culture of China]. Moscow: Nauka. pp. 20–27.
5. Khokhlov, A.N. (1974) V.P. Vasil'ev v Nizhnem Novgorode i Kazani [V.P. Vasiliev in Nizhny Novgorod and Kazan]. In: Vasiliev, L.S. (ed.) (1974) *Istoriya i kul'tura Kitaya* [History and Culture of China]. Moscow: Nauka. pp. 28–70.
6. Khokhlov, A.N. (1982) [V.P. Vasiliev on Kyakhta and Kyakhta trade (from the epistolary heritage of the Russian orientalist)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 13th Conference. Moscow: Nauka. pp. 224–240. (In Russian).
7. Khokhlov, A.N. (1994) [Foreign policy of Qing China in the publications of V.P. Vasilyeva (to the 175th birthday anniversary)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 25th Conference. Moscow: Nauka. pp. 276–283. (In Russian).
8. Goncharov, S.Ya. (1991) [“Jin zhi” (Description of the state of Jin) translated by V.P. Vasilyev (to the assessment of the source and translation)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 22nd Conference. Moscow: Nauka. pp. 188–198. (In Russian).
9. Kozhin, P.M. (1991) [“Silk Road” and nomads (some questions of medieval ethnogeography of Central Asia)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 22nd Conference. Moscow: Nauka. pp. 31–43. (In Russian).
10. Nikolskaya, S.V. (1991) [“Essay on the History of Chinese Literature” by V.P. Vasiliev and Wu Cheng'en's novel “Journey to the West”]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 22nd Conference. Moscow: Nauka. pp. 44–55. (In Russian).
11. Patrusheva, M.A. (1986) O trudakh V.P. Vasil'eva po istorii Man'chzhurii [About the works of V.P. Vasiliev on the history of Manchuria]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 17th Conference. Moscow: Nauka. pp. 191–192. (In Russian).
12. Shastina, N.P. (1974) Mongolovedenie v trudakh V.P. Vasil'eva [Mongolian studies in the works of V.P. Vasilyev]. In: Vasiliev, L.S. (ed.) *Istoriya i kul'tura Kitaya* [History and Culture of China]. Moscow: Nauka. pp. 86–103.
13. Samoylov, N.A. (1988) Publitsistika akademika V.P. Vasil'eva i nekotorye voprosy obshchestvenno-politicheskogo razvitiya Kitaya vtoroy poloviny XIX veka [The journalism of Academician V.P. Vasilyeva and some issues of the social and political development of China in the second half of the 19th century]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*. 11. pp. 172–190.
14. Smolin, G.Ya. (1974) V.P. Vasil'ev i prepodavanie istorii Dal'nego Vostoka v Peterburgskom universitete vo vtoroy polovine XIX v. [V.P. Vasiliev and Teaching the History of the Far East at St. Petersburg University in the second half of the 19th century]. In: Vasiliev, L.S. (ed.) *Istoriya i kul'tura Kitaya* [History and Culture of China]. Moscow: Nauka. pp. 71–85.
15. Martynov, A.S. (1991) [Ideological controversy at the beginning of the Tang era and its place in the history of religions in China. V.P. Vasilyev's “Religions of the East: Confucianism, Buddhism, Taoism”]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 22nd Conference. Moscow: Nauka. pp. 44–55. (In Russian).
16. Torchinov, E.A. (1991) [The works of V.P. Vasiliev and topical problems of studying Taoism]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Proc. of the 22nd Conference. Moscow: Nauka. pp. 22–31. (In Russian).
17. Skachkov, P.E. (1977) *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [Essays on the history of Russian Sinology]. Moscow: Nauka.
18. Vasiliev, V.P. (2010) *Graficheskaya sistema kitayskikh ieroglifov: opyt pervogo kitaysko-russkogo slovarya* [Graphic system of Chinese characters: experience of the first Chinese-Russian dictionary]. St. Petersburg: NP-Print.
19. Vasiliev, V.P. (1873) *Religii Vostoka: konfutsianstvo, buddizm i daosizm* [Religions of the East: Confucianism, Buddhism, Taoism]. St. Petersburg: [s.n.].
20. Vasiliev, V.P. (2013) *Ocherk istorii kitayskoy literatury* [Essay on the History of Chinese Literature]. St. Petersburg: Confucius Institute at St. Petersburg State University.
21. Vasiliev, V.P. (1857) *Istoriya i drevnosti vostochnoy chasti Sredney Azii ot X do XIII veka* [History and antiquity of the eastern part of Central Asia from the 10th to 13th centuries]. St. Petersburg: [s.n.].
22. Vasiliev, V.P. (1859) *Istoriya i drevnosti vostochnoy chasti Sredney Azii ot X do XIII veka* [History and antiquity of the eastern part of Central Asia from the 10th to 13th centuries]. *Trudy vostochnogo otdeleniya Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva*. 3, 4. pp. 236–256.